

Родёнок
МАГНАТА

ВЕРОНИКА ЛЕСНЕВСКАЯ

НеДетские игры

Вероника Лесневская

Ребёнок магната. НеРазлучные

«Автор»

2022

Лесневская В.

Ребёнок магната. НеРазлучные / В. Лесневская — «Автор»,
2022 — (НеДетские игры)

- Положительный, - выдыхаю ошеломленно и опускаюсь на край ванны, потому что ноги не держат. Сжимаю в руке пластиковую тест-полоску... с плюсиком в окошке. Как? Должна ли я сказать Яну? Обязана. Он обрадуется, когда узнает, что у нас будет малыш. Набираю родной номер. Но отвлекаюсь на звонок в дверь, открываю. Все еще держу телефон у уха. - Я занят сейчас, - доносится из динамика голос Яна. Но я устремляю все свое внимание на гостью. На пороге – эффектная брюнетка. Бизнес-леди. Молча жду, пока она заговорит. Даже не подозреваю, как горько пожалею о том, что вообще открыла ей. - Добрый день, меня зовут Анна. Мы, кажется, не знакомы, - протягивает руку и сияет идеальной улыбкой. – Я... жена Яна. *** Я пыталась сбежать от этой семьи. Но ОН нашел меня. Вернул и не желает отпускать. Несмотря на то, что сам женат, а наши отношения запретны. Ребенок, которого теперь ношу под сердцем, должен оставаться тайной. ДИЛОГИЯ. Книга вторая. Первая книга - "НеРодная сестра магната"

Содержание

Пролог	5
Разлука первая. Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вероника Лесневская

Ребёнок магната. НеРазлучные

Пролог

Доминика

– В вашей крови были обнаружены следы abortивных таблеток, – выдает гинеколог, ввергая меня в шок. – Слишком высокая дозировка. Зачем вы приняли столько? Посоветовались бы со своим врачом...

– Я не пила никаких таблеток, – отрицательно качаю головой.

Приподнимаюсь на больничной койке, недоуменно осматриваю себя. Тянусь рукой к животу, касаюсь нескольких широких пластырей, которыми заклеены порезы. Глаза на мгновение прикрываю.

Вчера я попала в больницу с резкими болями – и здесь мне стало хуже. Открылось кровотечение. После обследования меня направили на лапароскопию. А дальше... все словно в тумане.

Наркоз, чужие голоса, первые попытки подняться с постели, суэта санитарок и медсестер. Я засыпала и пробуждалась, путаясь, где сон, а где реальность.

Немного пришла в себя лишь поздно вечером. Но мне так и не сказали, что со мной. Младший медперсонал темы избегал, будто приказ был скрывать от меня правду. А у заведующего Каминского закончилась смена.

Сумку и телефон забрали, мотивировав тем, что в палате интенсивной терапии нельзя. Я даже Яну позвонить не могла.

Ян... При одной мысли о нем сердце бешено стучит в ребра. Не унять чувства, хотя надо бы. Запретные они, неправильные.

И все-таки... Мне хотя бы голос его услышать. Я же одна здесь совсем. Впрочем, мне не привыкать.

Да и что бы я рассказала Яну? Как я всем лгала? Он и так в самых страшных грехах обвинил меня.

Нет, от него я помощи точно не дождусь.

– Если вы по каким-то причинам решили на медикаментозный аборт, – отвлекает меня от раздумий врач, – ...то должны были проводить процедуру под строгим наблюдением гинеколога, – отчитывает меня.

Ошеломленно смотрю на него, только сейчас осознавая, в чем он меня подозревает. Считает, что я могла убить собственного ребенка?

– Нет, я не...

Фиктивный брак, нелюбимый жених, мнимая беременность. Я так много лгала, что и сама запуталась в собственном вранье. А теперь...

Я разбита и сломлена. В душе дыра, вместо сердца – растрескавшийся кусок льда.

– Я не собиралась делать аборт, потому что никогда не была беременной, – с трудом, но все же признаюсь я. – Я солгала всем своим родственникам. И понятия не имею, как в мою кровь попала эта дрянь, – взрываюсь под конец.

Мельком смотрю на бейдж доктора. Дежурный врач-гинеколог Яков Пашкевич. Точно помню, что меня оперировал не он. А сам заведующий отделением. Каминский, кажется. Зато, может, от этого доктора, что явился с утра на обход, я смогу наконец правду добиться.

Смотрю вопросительно, ожидая объяснений.

– К сожалению, эта, как вы выразились, дрянь вызвала необратимые последствия, – Пашкевич делает мучительную паузу. – Если верить анализам и УЗИ, – пролистывает мою историю болезни. – Кхм... После кровотечения и перенесенной операции у вас вряд ли получится забеременеть теперь.

Перевожу взгляд на его лицо. Серьезное, мрачное, с оттенком сочувствия.

– Что? – шепчу срывающимся голосом.

Я наказана за свою ложь? Почему так жестоко!

– Может, вы ошиблись? – умоляюще уточняю.

– Простите, вам действительно грозит бесплодие, – чеканит слова. – Но это еще не самое страшное...

Нервно сглатываю подступающий к горлу ком, смаргиваю первые слезинки. И пытаюсь взять себя в руки. Сжимаю кулаки, пристально смотрю на врача.

– Что может быть страшнее бесплодия? – цежу я, из последних сил сдерживая рыдания.

Я никогда не мечтала о семье в ее традиционном понимании. Ведь там обязателен... муж. А я в принципе не доверяю мужчинам. Опасаюсь их. Они жестоки и ведомы своими инстинктами. Нет уж, лучше без них обойтись.

Но ребенок... Наверное, когда-нибудь я бы решилась стать матерью. Посредством ЭКО, например. Растила бы малыша, воспитывала. Такую кроху, как близнецы моей сестры или как Даниэль, племянник Яна.

Однако больше у меня не будет такой возможности.

Окончательно одна. Навсегда.

– Что может быть ценнее материнства? – сиплю добавляю.

– Ваша жизнь, – шепчет Пашкевич, придвигаясь ближе. – Если вы не пили таблетки сами...

– Нет! Говорю же! Я не была беременна! Я вообще еще... – осекаюсь и глаза прячу. Лишняя информация. Впрочем, разве врачи сами не определили во время обследования? Что я... чиста...

– В таком случае... вам их подмешали, – продолжает гинеколог. – И дозу намеренно увеличили, чтобы наверняка, – кивает многозначительно. – Кто-то из тех, кому была невыгодна ваша беременность.

Боже. Выдуманный малыш, которого Левицкие считали реальным, мог претендовать на наследство. Дед Адам никогда бы не оставил правнука без денег. Наоборот. Он помешан на семейных ценностях.

Именно поэтому я... солгала. И ненавижу себя за это теперь.

Меня переиграли и уничтожили...

Но лучше так, чем если бы я... оказалась по-настоящему беременна. Страшно представить, каково это – терять зарождающуюся в тебе жизнь. Доктор прав – это страшнее бесплодия, к которому меня привели...

– Левицкие, – ахаю я.

Как одна из главных наследниц, я была для своих родственников костью в горле. Появилась из ниоткуда, когда никто не знал о нашем с сестрой существовании. И... заявила права на часть их несметных богатств.

В семье Левицких лишь дед принял меня радушно. Но теперь он тоже в больнице. Из-за приступа. В котором обвиняют меня!

– У них очень много власти. И они не остановятся ни перед чем, – чуть слышно произносит Пашкевич. – Даже я рискую сейчас, открыв вам правду.

– Что мне делать? – всхлипываю я, потому что действительно боюсь теперь.

Провожу ладонью по своему животу, в котором никогда не забьется крохотное сердечко. И все из-за проклятого наследства и ненависти богачей Левицких!

Если бы я знала, к чему все приведет, то никогда бы не приехала в Польшу. К ним. В поисках своих корней... и справедливости.

– Вам лучше уехать. Спрятаться у кого-то из друзей, – еще тише инструктирует гинеколог. – И забыть о Левицких. Поберегите себя. Вам лечение нужно, реабилитация.

Сажусь на кровати, прислушиваюсь к своим ощущениям. В животе ноет, но терпимо. Наверное, действие обезболивающих не прошло. Ходить я могу.

Но выбраться незамеченной из клиники. Вызвать такси. А еще сумку и документы забрать. Мне одной не под силу.

Умоляюще смотрю на доктора.

– Помогите мне сбежать отсюда, – выдыхаю хрипло. – Я вернусь в Россию. К сестре...

Разлука первая. Глава 1

Три месяца спустя. Россия

Доминика

– Мика, дорогая, можно к тебе? – на пороге комнаты мнется Дана, моя сестра.

Улыбаюсь и откладываю в сторону учебник польского. Не понимаю, зачем мне этот язык, который я начала учить еще у Левицких. Но не в моих привычках бросать начатое. Да и отвлекаться как-то надо. От раздражающих душу мыслей. Прошло три месяца после моего побега, а воспоминания все еще живы...

– Конечно, сеструль, – подмигиваю ей и стараюсь выглядеть как можно бодрее. Будто у меня все в порядке.

Провожу рукой по постели рядом с собой в приглашающем жесте. Дана медленно подходит, садится и хмурится, окидывая меня взглядом.

– Меня можешь не обманывать, – заявляет неожиданно. – Я ведь чувствую, как тебе плохо.

Сжимаю губы и виновато отвожу глаза.

– Что сказал врач? Ты ведь сегодня опять у него была? Я слышала, как ты уходила рано утром, – допытывается Дана. Ничего от ее внимания не укроется!

– Все по-прежнему, – вздыхаю обреченно. – Продолжать лечение сказал. Рецепт на гормоны новый выписал. Но... – отмахиваюсь. – Толку-то. Не поможет это все. Зря только травлю себя химией, – фыркаю зло.

На себя злюсь. За то, что позволила сделать это с собой.

– А ну, прекрати, – берет меня за руку. – Нельзя отчаиваться. Нужно время. Оно лечит, – уговаривает ласково. – Вот увидишь. Через годик-другой вспоминать это все будем, как ночной кошмар. И семьями дружить. Обзаведешься детьми. Мужем, – добавляет аккуратно, почву прощупывая.

– Никаких мужчин, – фыркаю я. – После...

– Не позволяй своему прошлому портить настоящее и будущее. Отпусти его, – Дана гладит меня по спине. – Никто тебя больше не тронет...

– Вот в последнем даже не сомневаюсь. Потому что не позволю, – складываю руки на груди.

– Ты так и не звонила Яну? – спрашивает неожиданно. – Ты обмолвилась, что он привез тебя в клинику, когда... – намекает на кровотечение и операцию, – ... все случилось. Да и о здоровье деда переживаешь, я же вижу. Узнала бы, что и как. Не обязательно говорить при этом, где ты...

– Нет. Если обрывать связи, то резко и окончательно, – вздергиваю подбородок. – Ты ведь сама была против, чтобы я летела в Польшу к Левицким. Что изменилось теперь?

– В моем отношении к родственникам, которые бросили нас в детдоме, ни-че-го! – чеканит каждый слог. – Я до сих пор не хочу иметь с ними ничего общего. Особенно, если учесть, что кто-то из них мою сестру травил! Сколько раз я настаивала найти и притянуть виновного к ответственности. Алекс бы связи все свои поднял. Даже в Польше эти подлые люди не спрятались бы, но ты, – смотрит укоряюще. – Ты изменилась, Мика. И я пытаюсь понять, с чем это связано. И помочь!

– Многое произошло там. Давай закроем тему, – чуть ли не приказываю Дане. – Все, что случилось в Польше, пусть остается в Польше. И Ян в том числе, – добавляю чуть слышно.

– Что-то связывает тебя с... родственником? – прищуривается сестра.

– Ничего, кроме ненависти, – отрезаю коротко.

«И лжи, за которую Ян меня убьет», – добавляю мысленно.

Перед побегом из клиники я оставила ему записку с обещанием исчезнуть из их семьи. И исполнила клятву. Уверена, Ян не будет искать меня. Ему плевать. Наоборот, вздохнет с облегчением. Ведь он лично грозился уничтожить меня.

– Мика, – неодобрительно окликает меня Дана и головой качает.

От неприятного разговора меня спасают Саша и Илья, мои племянники.

– Ма-ам, – вбегают в комнату без стука. Им можно все! – Теть Мика, – хихикают, усаживаясь рядом с нами. – Съездим в развлекательный центр? Пока папа все равно на работе.

Треплю их по белокурым макушкам, притягиваю к себе и обнимаю. А сама тем временем невольно Даниэля вспоминаю, младшего члена семьи Левицких, трехлетнего племянника. Интересно, как он там? Без меня... А дедушка? Надеюсь, Ян помог ему справиться...

– Я голосую за, – говорю нарочито звонко, пряча боль и горечь в глубине души. Это лишнее сейчас. – Выигрывает большинство, – показываю суровой «маме Данае» язык.

Он хочет возразить что-то, носик свой морщит недовольно, но с первого этажа слабо доносится трель дверного звонка.

– Кто это явился? – хмыкает Дана и на часы косится. – Для Алекса очень рано. У них со Стасом проект серьезный. Чуть ли не до поздна работают.

Тем не менее, направляется вниз. Подумав, включаю близнецам телевизор, а сама плетусь следом. Мало ли кого нелегка принесла. Если нужно, вместе отбиваться будем.

Замираю у лестницы. Издалека слежу за входом. За тем, как сестра открывает дверь. И на пороге показывается мощная фигура, от вида которой пересыхает в горле и парализует легкие.

Испуганно наблюдаю, как незванный гость серебристым взглядом сканирует Дану. С которой мы похожи, как две капли воды.

Не торопится говорить что-либо. Но мне и не нужно слышать его голос. Ведь я и так с первой секунды поняла, что это...

Ян...

Глава 2

Три месяца назад. Клиника Левицких

Ян

Начинаю сбиваться со счета, который день подряд я прихожу в семейную клинику вместо работы, чтобы лично следить, как компетентные структуры переворачивают все здесь вверх дном. Документы изучены от и до, видео с камер просмотрено, заведующий отделением Каминский допрошен, как и остальной медперсонал, который был на смене в тот роковой день. Но, кроме халатности, предъявить нечего.

И главное, нет информации о том, как и куда сбежала Мика. Она просто вышла из палаты, направилась в сторону приемной, забрала свои вещи в то время, как постовой медсестры какого-то хрена не было на месте, а дальше... провал. Записи обрываются, будто камеры намеренно отключили в этот момент.

Дежурный врач, который упустил ее, упорно молчит. И закрадывается подозрение, что ему заплатили за это.

С трудом, но я все же добился, чтобы мне позволили поговорить с ним наедине. И вот мы сидим с Яковом Пашкевичем друг напротив друга, словно не в кабинете заведующего закрылись, а в камере для допроса.

– Вы понимаете, что вина за исчезновение пациентки лежит на вас? – пытаюсь говорить холодно и убедительно, когда внутри бушует пожар. – И вам придется ответить перед законом, – сгущаю краски.

– На меня не действуют ваши угрозы, – устало отзывается врач и крутит шариковую ручку между пальцами. – Обвиняйте, в чем хотите. Я буду стоять на своем: понятия не имею, куда направилась пациентка Левицкая. Да, не досмотрел. Готов понести наказание, – хмыкает он.

Тяжело выдыхаю, стараясь держать себя в руках.

– Сколько бы вам не заплатили за побег Левицкой, я... – выдерживаю паузу, – ...дам больше. Просто назовите сумму. Вы прекрасно знаете, что в этом кабинете нет видеокамеры, – демонстративно окидываю взглядом помещение. – Решим вопрос здесь и сейчас. И вы свободны. Абсолютно, – намекаю, что дело будет закрыто. Не лгу – я смогу договориться с органами.

– Вынужден вас огорчить, но не все в этой жизни покупается и продается, – спокойно тянет Пашкевич и мгновенно выводит меня из равновесия.

Бью руками об стол и подсакиваю с места. Упираюсь в деревянную поверхность кулаками, подаюсь ближе к Пашкевичу, нависая над ним, и выговариваю жестко и четко:

– Вы давали клятву спасать людей. Какого черта тогда здоровье гробите? Отпустили Левицкую после операции, – кровь в жилах стынет от осознания того, что Мика сейчас бродит где-то по Кракову слабая и беззащитная. – Неизвестно, где она и что с ней случилось за стенами клиники.

– Все с ней в порядке, – гинеколог исподлобья смотрит на меня. С неприкрытой ненавистью.

– Где она? – повышаю голос.

– Там, где вы ее не достанете. Не тратьте силы и время, – раздражает меня он.

– Буду тратить! Пока не найду, – мой тон звучит угрожающе.

– Оставьте девочку в покое! – не выдерживает врач и тоже поднимается.

– Не могу я, – признаюсь обреченно.

– Думаете, скрыли записи из истории болезни вместе с Каминским – и все вам с рук сойдет? – злится Пашкевич, а я понятия не имею, о чем он говорит. – Рано или поздно обществен-

ности станет известно, что вы творите. Закон бумеранга никто не отменял. А теперь идите к дьяволу вместе со своими угрозами и деньгами!

– О каких записях идет речь? Что на самом деле произошло с Микой? – хрипло спрашиваю.

Но доктор игнорирует меня. Разворачивается и широкими, размашистыми шагами следует на выход.

– Пожалуйста, – прошу тихо. – Помогите мне, – умолкаю на доли секунды, чтобы потом выпалить честно: – Я люблю ее.

Пашкевич замирает у двери, а его ладонь остается лежать на ручке, не поворачивая ее.

– Как сестру? – уточняет, не глядя на меня.

Едва не взрываюсь. Как же достали все тыкать нас этими мнимыми родственными узами! Чужие мы по крови!

– Мы неродные, у меня есть доказательства, – объясняю поспешно, лишь бы доктор не ушел. – Поможете мне? Нам обоим?

– Не думаю, что это хорошая идея. Отпустите ее, если любите, – поучительно выдает. А сам явно сомневается. Медлит, не торопится покинуть кабинет.

– Я не вру, – продолжаю я, мысленно молясь, чтобы врач мне поверил. – Я землю рыть готов, лишь бы найти ее. Но пока даже не знаю, в каком направлении это делать. Мика чужая в Польше. Совсем одна здесь. Без денег, без друзей. Я не желаю ей зла. Наоборот, убереечь хочу.

Врач оглядывается, изучает меня, будто решая, можно ли мне доверять.

– Что же тогда не уберегли? – бросает с вызовом. – От ваших родственников.

– Я правда не понимаю, о чем вы, – рычу я, вновь раздражаясь. – Мике стало плохо, и я сразу же привез ее сюда. Я был уверен, что она беременна и у нее что-то вроде угрозы выкидыша, но, как оказалось, все было ложью... – осекаюсь, не желая вдаваться в подробности.

Мика врала о своей беременности, чтобы расположить к себе деда и получить в итоге большую долю наследства. Семейные ценности для Адама всегда были на первом месте. И он без сомнений отдал бы все внучке, ожидающей малыша. И ее «любящему будущему мужу», который тоже оказался подставным.

Я ненавижу Мику за ее ложь, но в тоже время не могу ее потерять. Особенно после того, как тест ДНК показал, что мы с ней не родственники. С одной стороны, это доказывает, что она обманула всех нас, мошенничала, выдавая себя за внучку Адама и мою двоюродную сестру. Но с другой, мне нужна Мика. Такая, как есть.

Это безумие, одержимость... Пусть. И хуже всего – жить в неведении. Где она сейчас, после операции? Что с ней? Мне бы хотя бы удостовериться, что Мика здорова и не вляпалась ни в какую историю...

– Каминский утверждал, что у Левицкой проблемы по женской части, воспаление. Из-за этого пришлось провести лапароскопию, – говорю все, что знаю, лишь бы не оборвалась невидимая нить взаимопонимания с Пашкевичем. – Меня не пустили к Мике, сказали прийти на следующий день. Но ее уже не было. И все из-за вас! – тычу пальцем. – Вы рассказали ей о бесплодии и позволили уйти.

– Неизвестно, что бы с ней сделали, если бы она осталась, – цедит врач и скрипит зубами. – Не уверен, что ваша семья не остановилась бы на abortивных таблетках.

– Что? – ору, как безумный. – Какие на хрен... – даже боюсь вслух произносить. – Я ничего не понимаю! Объясните!

Пашкевич сканирует меня взглядом. Возвращается к столу и занимает свое кресло, намекая, что готов продолжить разговор. Обхожу его, сажусь напротив, складываю руки в замок.

– Из истории болезни «исчез» анализ крови Левицкой, где обнаружили чересчур большую дозу вещества, провоцирующего искусственные месячные, с которыми должен был выйти плод, – докладывает врач, сильнее путая меня. – Препарат вызвал осложнения. Лапара была

необходима, так что в данной ситуации Каминский все сделал правильно. Однако сам факт «отравления» предпочел скрыть. Судя по рассказам Левицкой, таблетки подсыпал ей кто-то из вашей семьи. Видимо, по его же указке заведующий молчит о том, что на самом деле произошло с девочкой.

– Так она была беременна или нет? – судорожно сглатываю я.

– Сто процентов нет, – отрицательно качает головой Пашкевич.

– Откуда такая уверенность? – прищуриваюсь с подозрением.

И в следующую секунду врач шокирует меня:

– Невозможно быть беременной, если ты девственница.

Сам не замечаю, как меня захлестывают воспоминания о нашей первой встрече с Микой. Рыночная площадь Кракова. Смешная «туристка-бегунья», которая куда-то безумно спешит и врет напрапалую. Кафе.

Отель...

– Мягкий ёжик, – шепчу Мике в губы и накрываю их своими. Завоевываю. Уничтожаю возведенные ею стены. Пресекаю попытку побега.

Хочу. До безумия. До нервного покалывания во всем теле. Впервые в жизни так остро и бескомпромиссно.

Поэтому толкаю Мiku обратно в номер, захлопываю дверь за нами. Прижимаю дрожащую фигурку к стене. Ёжик отвечает на поцелуй, настороженно, с интересом и как-то... скромно. Удивляет. По ее дерзкому поведению и не скажешь, что она такая нежная и хрупкая.

Девочка-загадка, но искать ответы нет ни времени, ни сил, ни желания.

Осталась только страсть, всепоглощающая и отключающая разум.

Мне нужна эта девушка. Здесь и сейчас.

Но Мика мычит что-то мне в рот, упирается ладошками в грудь. Легко толкает. И я поддаюсь, чтобы не спугнуть. Недоуменно всматриваюсь в раскрасневшееся личико. Неужели? Она умеет смущаться?

– Ты слишком... торопишься, – лепечет Мика, а у самой голос срывается. Эротично так, что мозг капитулирует перед рвущейся наружу похотью. – Я не...

– Я тебя не трону, – язык несет какую-то чушь, пока тело бунтует и тянется к девушке.

Мика кивает, выскальзывает из моих объятий.

– Может, шампанского? – хрипло выдаю и откашливаюсь.

Ругаюсь мысленно. Как мальчишка веду себя с ней. Какого черта?

– Как хочешь, – пожимает Мика плечами и проходит в гостиную. Опускается на диван.

Я, не прекращая пожирать ее взглядом, звоню на ресепшн.

Через минут пять нам приносят заказ в номер. Еще через две Мика сама разливает искрящуюся жидкость по бокалам. Протягивает один мне. Не сводя с меня голубых глаз, проводит пальчиками по своим губкам, сминает задумчиво. Мне и этого хватает, чтобы сдуреть. Осушаю бокал залпом, потому что в горле першит. А Мика свой отставляет.

Приподнимаю бровь вопросительно.

– Прости, я не пью, – улыбается она. – Неудобно было тебе отказывать.

Надо бы заподозрить неладное, но мозги сейчас совершенно не соображают. Сажусь на диван рядом с Микой. Ловлю ее растеряннo-заинтересованный взгляд, слышу сбивчивое дыхание, вбираю легкий женский аромат.

И вот мы уже опять вовсю целуемся. Ёжик плавится в моих руках, забывает, что «мы торопимся». Веду ладонью по ее животу, ласково, приручающе. Чуть щекочу пальцами – и чувствую ее улыбку. Съедаю ее, углубляя поцелуй.

Осмелев, забираюсь под пуловер. Выше. К груди. А у самого все сводит внутри. Ну что за ведьма? Подмешала мне что-то, приворожила? Вскоре я пойму, что был недалеко от истины.

Но Мика заметно напрягается. Застывает, словно стремительно льдом покрывается. Мне стоит колоссальных усилий убрать от нее руки. Понимаю, что так будет лучше. Сделать вид, что отступил сейчас, чтобы «напасть», когда девчонка расслабится.

Никогда меня не привлекали подобные игры. Но сегодня. Все иначе.

Мне нужна она. Странная девочка Мика, которую хочется сделать своей.

– Тишиш, – шепчу ей на ушко и прикладываюсь поцелуями к шее, чувствуя, как нежная кожа покрывается мурашками.

Мика реагирует, сдается. И от осознания этого сносит крышу.

– М-м-м, – едва слышно стонет и тут же губу закусывает, будто раскрывший себя преступник.

Эта девушка не похожа ни на одну другую. Дикая, пугливая. Одно неверное движение – и сорвется с крючка. Хотя кого я обманываю? Я сам попался на ее крючок и завис, даже не пытаюсь спастись.

Оба погибнем. Вместе.

Да и плевать. Отступить некуда.

Я позволяю себе все больше, захожу все дальше, наслаждаясь тем, как дрожит Мика от моих прикосновений. Горит, дышит часто, хнычет, словно пытаюсь совладать с собственным телом. Но оно ее больше не слушается. Потому что теперь принадлежит мне.

Сжимаю Мику в объятиях, обещаю никогда не отпускать. До конца не понимаю, говорю это, чтобы просто овладеть девчонкой, или... абсолютно серьезно? Решаю подумать о нашем будущем после проведенной ночи.

Но в какой-то момент сознание погружается в туман.

– Прости, Ян, – тонкий, чарующий голосок звучит виновато. И отдаляется...

Вместо того чтобы злиться, усмехаюсь.

Все-таки у нас тогда ничего серьезного не было. Напрасно Мика шугалась меня. Впрочем, для нее, неискушенной и невинной, даже те ласки казались запретными.

Никогда бы не подумал... Я, конечно, заметил, какой зажатой она была, но списал это на краткосрочность нашего знакомства. Откуда мне было знать, что бойкая девчонка, которая еще и обчистила меня той ночью, нетронутая? В свои-то двадцать четыре года. Я подсмотрел возраст в паспорте. Не верится. Но... тем паскуднее на душе становится, когда я осознаю, что с ней сделали. Подорвали ее здоровье, лишили возможности стать матерью. Сломали маленькую девочку.

Слишком суровое наказание за ложь. И чересчур высокая плата за наследство.

Мыслями возвращаюсь в жестокое настоящее. Где Мики нет рядом. Она опять защитилась, как сумела, и улизнула от всех.

– И вы помогли Левицкой сбежать, потому что хотели спасти... от нас? – выжимаю из себя.

Не могу поверить, что кто-то в нашем доме оказался способен на подобное. Убить, как он считал, зародившуюся жизнь. Уничтожить Мику.

Тварь. Обязательно найду, кто это сделал!

– Допустим, – уходит от ответа Пашкевич.

– Скажите, где она? Клянусь, я не причиню ей вреда, – уговариваю его, но он жестом меня прерывает.

– Я не знаю, – убивает меня одной фразой. – Намеренно не спрашивал. Я лишь нашел ее документы, которые в приемной остались после того, как Левицкую оформили и в палату положили. Ну и медсестру отвлек, – задумчиво умолкает. – Такси вызвал и оплатил тоже я. До аэропорта. На этом наши пути разошлись.

Аэропорт. Если сбегать, то наверняка.

– Как Мика без денег улетела? – хмурюсь я.

– Она утверждала, что у нее есть. Еще в сумке что-то искала, а потом подтвердила, – вспоминает Пашкевич.

Благодарю его и отпускаю.

Думаю. Все время, пока идет проверка клиники. И когда Каминского, наконец, задерживают и увозят в полицию. Размышляю по дороге в развивающий центр, откуда забираю Дана. В родовом особняке я его одного ни разу за эти дни не оставлял. Опасался подсознательно. Как оказалось, не зря.

Уже дома, уложив племянника спать, нахожу в «шкафах» своей памяти нужный «ящик».

Опять мысли уносят меня в нашу первую встречу.

Отель. Стойка регистрации. Мика мчится, чтобы опередить меня и самостоятельно заказать себе номер. Ее поведение удивляет, заставляет усмехнуться.

В последний момент выхватываю из ее рук карту. Оплачиваю сам. Кручу пластиковую кредитку в руке. И прежде чем вернуть Мике, скользну взглядом по имени владельца.

Александр Врагов.

Должно быть, кто-то очень близкий дал ей эту карту. Она не украла ее. В таком случае владелец заблокировал бы счет.

Хоть какая-то зацепка. Фамилия.

И место.

Меня озаряет пониманием.

Левицкая в России. У нее там сестра с семьей. Больше некуда Мике податься. Как можно дальше от нас. Туда, где можно зализать раны. Которые я позволил ей нанести. Не уберег. Но больше не повторю своей ошибки. Не подставлю. Лишь узнаю, как она.

Лихорадочно соображаю, кто из моих знакомых в данный момент в России. И хмыкаю победно.

Человек, который каждый день только тем и занимается, что добывает информацию. В любой точке мира. Конечно, моя ситуация – совсем не его профиль. И явно не его уровень. Но он единственный сейчас ближе всех к Мике.

Вадим Шторм – владелец крупнейшего международного медиахолдинга.

Уверен, у него достаточно связей, чтобы помочь мне. Четвертая власть творит чудеса. Особенно международного масштаба. Тем более ради друга...

– Вадим, мне нужно найти Доминику Левицкую, – выпаливаю в трубку, как только происходит соединение. – И всего лишь убедиться, что у нее все в порядке. Я должен знать, могу ли оставить ее там на некоторое время.

Нельзя забирать Мику прежде, чем я разберусь со своей семейкой и найду виновного во всем. Нельзя рисковать ею, ведь она и так пострадала. В России Мика будет в безопасности.

До тех пор, пока я не подготовлю все для ее возвращения.

Пока что у меня слишком много неоконченных дел в Польше. Защитить сразу всех, кого любишь, – сложная миссия. Но выполняемая.

Глава 3

Сейчас

Доминика

В воцарившейся тишине я слышу звук собственного сердца, которое выпрыгивает из груди. Делаю шаг назад, чтобы скрыться в полумраке второго этажа, прячусь за угол. Подношу руку ко рту и импульсивно прикусываю палец, чтобы не издать ни звука.

Зачем Ян приехал? Как он нашел меня? Но на смену панике приходит другая мысль... Значит, искал? А ведь сам три месяца назад кричал, что уничтожит. Угрожал выгнать меня из особняка Левицких. Мошенницей называл. Не совсем заслуженно.

Да, я лгала всем и наделала много ошибок. Мне казалось, что деньги деда Адама помогут мне начать новую жизнь, которой меня лишили мои же родственники, оставив в детдоме. Бросили нас с сестрой на произвол судьбы и даже не вспомнили.

Однако в одном я не врала: мы с Даной действительно потомки Левицких. Я верю документам, которые с таким трудом добыла.

И тем не менее, три месяца назад я отступила. Исчезла из семьи, покинула Польшу, как Ян и хотел.

Но теперь он здесь. В дверях дома моей сестры.

Не прекращая буравить ее взглядом, переступает порог, приближается к ней.

Задерживаю дыхание. Перед Яном сейчас – моя идентичная копия. Что если он примет Дану за меня? Никаких «если». Я на сто процентов уверена в этом! Нас многие путают – не раз мы испытывали это на личном опыте. И даже проблемы были.

Лишь Алекс, муж Даны, смог разоблачить меня при первом же «знакомстве». Но у них... любовь. Настоящая, о которой лично я даже и мечтать не смею. Сложно найти мужчину, который будет беречь тебя, а не использовать и делать больно. Будет чувствовать каждую эмоцию. И узнавать среди тысячи.

А Ян не знает меня толком. И Дана молчит. Намеренно выжидает, что он скажет, потому что не хочет подставлять меня. Все это время рядом с Враговыми я ощущаю себя ценнейшим человеком на планете. Они настолько опекают меня, что не по себе становится. И даже Алекс, с которым у нас было... непонимание, относится теперь ко мне с теплом и заботой.

Враговы не дадут меня в обиду. Правда, я не могу утверждать, что именно за этим явился Ян. Я вообще не понимаю его.

Тишина давит. Нагнетает обстановку. И я почти готова покинуть свое убежище, как Ян начинает говорить. Пытаясь совладать со своей ненормальной реакцией на его голос, от которого мурашки растекаются по коже, я заставляю себя вслушаться в слова.

– Здравствуйте, Дана, – приветствует Ян осторожно, а я чуть не издаю облегченный вздох, но вовремя зажимаю рот рукой. – Мне нужно поговорить с вашей сестрой. Доминика дома, – звучит совсем не как вопрос. Скорее, как утверждение.

– Мика уехала в Польшу, и с тех пор мы с ней не виделись, – врет Дана, почуяв неладное. – Что-то случилось?

Морщусь недовольно. Моя сестра и ложь – понятия несовместимые. Надеюсь, Ян не почувствует подвох.

– Нет, ничего, – хмыкает Левицкий. – У нас... кхм... возникли разногласия. И мне очень бы хотелось поговорить с ней и многое объяснить.

Едва не издаю нервный смешок. Разногласия? До или после того, как его семья чуть меня не убила? А он сам обвинил в отравлении деда Адама!

– Мне стоит начать волноваться за свою сестру? Вы ее преследуете? – недовольно уточняет Дана. – Мика может быть в опасности?

– Рядом со мной – нет, – произносит Ян так уверенно, что мне хочется подбежать и рассмеяться ему в лицо.

Да он моя главная опасность! Мало того, что не защитил, так еще и растоптать грозился. А еще эти чувства запретные, которые все усложняют...

Зачем я ему нужна сейчас?

Надеюсь, ничего не случилось с Даниэлем или дедом Адамом... Сердце замирает. Хочу спросить о них. Так сильно, что сжимаю руку в кулак и впиваюсь в ладонь ногтями, оставляя болезненные розовые полумесяцы.

Но нет. Пусть Ян убирается! Я не вернусь в Польшу!

– Я думаю, если бы Мика разделяла ваше мнение, то сама бы вышла на связь, – бросает Дана обвиняюще.

Ян прищуривается с подозрением, изучает мою сестру, потом окидывает взглядом гостиную, мельком скользит в сторону второго этажа, где я прячусь. На секунду мне кажется, что он обволакивает меня знакомой платиной своих глаз.

Нет, бред! Ян не может меня заметить. Разве что почувствовать мое присутствие. Но это не наша история.

– Что же, тогда до свидания, – бросает Левицкий с сарказмом, и совсем не похоже на то, что он прощается.

Но уходит. И я шумно выдыхаю от облегчения и... внезапно накотившей грусти.

На следующий день

Доминика

– Положительная динамика есть, – задумчиво тянет репродуктолог, раскладывая перед собой результаты последних анализов.

Скучающим взглядом я окидываю кабинет, обстановку которого изучила в совершенстве за эти три месяца. Задерживаюсь на «стене почета», где развешаны грамоты заслуженного врача Петровой и фотографии детей, появившихся на свет благодаря ей. Мой малыш там вряд ли когда-нибудь будет...

– У вас новый сертификат, Карина Андреевна? – отстраненно спрашиваю я, цепляясь за небольшую рамку. Рассматриваю надпись на нескольких языках, в том числе и на польском. – Повышали квалификацию в Польше? – добавляю с тоской в голосе.

– Кхм, да. Обмен опытом с европейскими репродуктологами, – следит за моим взглядом женщина и делает паузу, после которой вдруг выдает. – Знаете, вам необходим отдых, – складывает документы в папку и отодвигает от себя.

Передергиваю плечами, обращаю свое внимание на доктора.

– Все настолько плохо? – насупив брови, хмуро смотрю на нее. – Даже ЭКО никогда не получится? Вы от меня отказываетесь?

– Наоборот, – улыбается тепло. – Иногда нужно отпустить ситуацию, освободить мозг. В моей практике бывали случаи, когда, потеряв надежду, бесплодная пара решалась на ЭКО – и беременела самостоятельно, так и не дойдя до процедуры. Или, перепробовав все, супруги уезжали в путешествие, чтобы развеяться, а возвращались уже с киндер-сюрпризом. Репродуктология не выносит приговоров. Женский организм непредсказуем и не работает «по заказу», – по-доброму смотрит на меня. – Я чувствую, что сейчас вам необходима перезагрузка. Более того, отложите пока гормоны, которые я выписала вам вчера. Позвольте своему организму выдохнуть...

– Вы предлагаете больше не бороться? – мрачнее еще сильнее.

– Доминика, девочка, – обращается непривычно ласково и переходит на «ты». – Тебе всего двадцать четыре. Ты даже с мужчиной еще не была. Да, состояние здоровья было подорвано причинами, о которых ты не говоришь. Да, у тебя есть определенные проблемы. Но и

улучшения заметны, – протягивает мне папку. – Не заикливайся на беременности сейчас. Куда тебе спешить? Ты еще встретишь своего мужчину, поживете вместе, попытаетесь. И если через год ничего не получится, вернетесь ко мне уже вдвоем. Вот тогда будем говорить об ЭКО. А сейчас даже смысла не вижу, – разводит руками.

Нервно сжимаю свои документы, царапая ногтями картон, и молча поднимаюсь со стула. Киваю в знак прощания, но произнести ни слова не могу. Горько и обидно.

– Удачи, Доминика, – доносится вслед и смешивается с жалким всхлипом, вырвавшимся из моей груди.

Покидаю клинику в расстроенных чувствах. И не знаю, куда податься. Мне необходимо успокоиться, прежде чем возвращаться к Враговым. Они и так переживают обо мне. Я лишь в общих чертах рассказала о том, что случилось в Польше. Не вдавалась в подробности, но ситуацию с отравлением и бесплодием утаить не смогла. По моему состоянию они бы заподозрили худшее. Алекс практически сразу подключил свои связи и определил меня в лучшую клинику к заслуженному репродуктологу. А я... только зря потратила его деньги.

Пустая и безнадежная.

Все-таки не могу сдержать слез. Тонкими струйками они стекают по щекам, пока я вызываю такси. Падают каплями на дисплей телефона, где вдруг загорается имя Даны. Сестра будто чувствует, когда мне плохо.

– Привет, Мика, как прием прошел? – с ходу интересуется.

– Дома расскажу, – вздыхаю и озираюсь нервно.

Ощущаю на себе чей-то взгляд. Напрягаюсь. До мурашек по коже и частого биения сердца. Молчу в трубку слишком долго.

– Сестренка? – напоминает о себе Дана. – Встретить тебя?

– Хм, не-ет – тяну я и опять оглядываюсь. – Предчувствие какое-то...

– Маленькая моя, ты опять? – беспокойно отзывается сестра. – Все из-за того мужчины, да? Как его. Ян? Надо было сразу дверь перед его носом захлопнуть! Ты вновь разнервничалась? Как тогда, три месяца назад?

– Нет, забудь, – фыркаю недовольно.

– Я помню, как ты каждого шороха шугалась. И утверждала, что за тобой следят. А один раз тебе показалось, что даже фотографировали, – тараторит она.

«Не показалось», – спорю мысленно, но вслух ничего не говорю. Дана не поверила мне тогда, списала все на последствия стресса и болезни. И антидепрессанты мне какие-то купила, но я слила их в унитаз.

До сих пор я уверена, что за мной и правда кто-то наблюдал. В течение первой недели в России. А потом все вдруг прекратилось. Словно я стала неинтересна и меня... бросили. Странные ассоциации. И пустота, которая тогда в груди поселилась, тоже ненормальная.

– Мика, не хочу, чтобы это опять повторилось с тобой, – продолжает сестра, сама себя накручивая. – Я приеду сейчас!

– Не надо, такси прибыло, – говорю как можно бодрее. – Ставь чайник, скоро буду, – нарочно смеюсь.

Дана все еще сомневается, поэтому я первой кладу трубку. Прячу телефон в сумку, направляюсь к парковке, где должно ждать меня такси. Но...

Когда прохожу мимо одной из машин, дверца вдруг распахивается рядом со мной. Не успеваю даже пикнуть, как из салона кто-то выходит и... обнимает меня. Прижимает к себе. Бережно, аккуратно, но при этом крепко, будто вечность ждал нашей встречи.

Я должна бы испугаться, но паники нет. Потому что я узнаю эти объятия и этот голос, что шепчет мне в висок:

– Привет, ёжик, как ты?

Глава 4

Ян

Не пугать, не трогать, не целовать. Пока что...

Повторяю это, как мантру, и нервно барабаню пальцами по рулю, не отводя взгляда от крыльца клиники. Жду ее. Девушку, которую ни с кем не перепутаю. Даже с ее копией.

Признаться, я опасался приезжать в дом Враговых. Хотя у меня и была полная информация о том, где и с кем живет Мика, в том числе я знал о ее сестре. Мой друг Вадим постарался на славу: целую слежку организовал. В первый же день после приезда ёжика в Россию у меня на электронной почте появилось детальное досье. А со временем даже... фото. Вадим приставил к Мике своих лучших папарацци. Солгал им, что внебрачную дочь какого-то супер известного и влиятельного политика отыскивали. Пообещал хороший гонорар за информацию. Но гениальный план пришлось свернуть после того, как Мика запустила камнем в крону дерева, где прятался один из заслуженных журналистов медиахолдинга, – и метко зарядила ему в висок.

Усмехаюсь, вспоминая, каким тоном мне «жаловался» на нее Вадим.

Моя бойкая Мика. По-прежнему сильная. Или хочет казаться таковой.

Сжимаю телефон, смотрю на время. Что она так долго делает в клинике? Насколько у нее серьезные проблемы со здоровьем?

Черт. Черт. Черт!

Не могу простить себя за то, что не уберег глупую лгунью Мику. Но обязательно все исправлю. В Польше у нее будут лучшие врачи, идеальные условия. Осталось лишь забрать упертого ёжика туда.

Умом понимаю, что она все та же мошенница, прибывшая в наш дом и обманувшая всех ради наследства. Махинации Мики с браком и беременностью лишь доказали это. И тем не менее, душой тянусь к ней. Чувствую, что она многое осознала после отравления. Надлюмилось к ней что-то.

Так что мы поговорим, Мика признается – и вопрос будет исчерпан. Я постараюсь простить ее. В любом случае, после выходки деда с компанией нам обоим придется как-то сосуществовать.

Телефон взрывается громкой трелью. Отвечаю на звонок, стараясь ни на секунду не отвлекаться от входа в клинику.

– Да, Марк, – приветствую начальника службы охраны.

Отныне «Мой дом – моя крепость» – для меня не поговорка, а реальность. Особняк Левицких защищен, несмотря на сопротивление деда. Охрану я подбирал лично – и уверен в каждом сотруднике. Поэтому я со спокойной душой оставил Адама и Даниэля в Польше, а сам приехал сюда.

– Тут пани Левицкая прибыла. Говорит, ее ждут, – отчитывается он. – Но мне от вас сигналов не поступало. Решил уточнить.

– Какая из..? Впрочем, плевать. Правильно сделал, – чеканю строго, а сам зубами скриплю от злости и беспокойства. Меня на две части рвет: между домом и Микой. Пора собрать всех в одном месте. – Гони на хрен ее! И чтоб никто не заходил в дом, пока я не приеду! Только люди из списка! – рычу на него.

– Понял, – отзывается Марк, но добавляет тише. – Однако пан Адам...

– Тебя кто нанимал? – рявкаю грозно.

– Понял, исполню, – быстро сообщает.

На его последних словах я отключаюсь, потому что вижу фигурку Мики. Маленькую, хрупкую. Ёжик похудела за эти месяцы.

Однако это точно она! Я так боялся вчера их с сестрой перепутать, облажаться. Но все оказалось гораздо проще. Как только дверь дома Враговых распахнулась – я почти сразу понял, что передо мной не Мика. Похожа внешне, но не точь-в-точь. Да и реакция на меня слишком спокойная. После всего, что было, ёжик бы точно не смогла так невозмутимо и холодно осматривать меня. Но главное, у меня нигде ничего не ёкнуло при виде нее. Тогда я и осознал, что мне открыла Дана.

А еще сразу разгадал ее ложь. Я ведь и ёжика на чистую воду не раз выводил, а сестрица ее совсем врать не умеет.

Я и не ждал радушного приема – я лишь пришел убедиться, что Мика все еще в доме Враговых. И понял это. По едва уловимой тени на втором этаже. Любопытная, но осторожная. Мика не вышла ко мне, а я и не надеялся. Стратегия изначально была иной.

Я дождался утра и проследил за ней.

И теперь с трудом держу себя в руках, наблюдая, как Мика спускается с крыльца клиники, опасливо озирается по сторонам, будто чувствует что-то. В какой-то момент даже бросает взгляд в сторону моей машины. Но отвлекается на телефон.

Присмотревшись, замечаю, что Мика заплаканная. Догадываюсь, почему. Дико хочу крушить все вокруг и убивать. В последний и единственный раз я ее слезы видел, когда она мучилась от боли на заднем сидении моего автомобиля, а потом дрожала и прижималась ко мне в польской клинике. Защиты искала, помощи ждала, а я не смог ей ничего дать...

Так. Не пугать, не трогать, не целовать...

Нарушаю каждый из этих пунктов, как только Мика оказывается рядом с моей машиной.

Выскакиваю, сгребаю девчонку в охапку, делаю вдох, вбирая ее тонкий запах. Чувствую ее дрожащее тело своим. Целую в висок.

Вот это точно она. Та, кто нужна мне. Моя Мика.

Только сейчас осознаю, что скучал. И не отпускаю, как бы она не вырывалась. А отбивается Мика яростно. Отталкивает меня, залепив пощечину.

– Как я? – кричит мне в лицо. – Ты смеешь спрашивать, как я, после того, что ВЫ сделали со мной? – тычет пальцем мне в грудь, а я болезненно морщусь от ее обобщения.

Доминика

Эйфория от встречи мгновенно выветривается. Испаряется и чувство защищенности, которое я испытываю в руках Яна. Заставляю себя разозлиться на него. Стоит лишь вспомнить, КЕМ он приходится мне. И ЧТО сделала его семья.

Вырываюсь из покоряющих волю объятий, дико отбиваюсь от мужчины, который позволяет себе лишнее. И отрезвляю его хлесткой пощечиной.

– Зачем ты здесь? Унизить меня? Добить? Обвинить в мошенничестве? – каждый вопрос сопровождаю яростным хлопком по его груди. А она будто из стали сделана, даже ладони начинает жечь от ударов. – Убедиться, что я не представляю опасности для твоего наследства? Так вот, можешь быть спокоен. Мне не нужны больше деньги Левицких, – отмахиваюсь от него и собираюсь уйти.

Ян все это время смотрит на меня напряженно, терпит мою истерику, сносит жалкие удары. Но потом вдруг опускает руки на мою талию – и одним рывком притягивает меня к себе. От неожиданности теряю равновесие и утыкаюсь носом в плечо Яна, тоже каменное.

– А мне нужна ты, ёжик, – надрывно шепчет он мне на ухо, прихватывает губами мочку.

Застываю, впившись пальцами в его мышцы. И дышать не могу. Жарко и так... уютно, что не хочется сопротивляться. Одно дело чувствовать это во снах, что мучили меня последние месяцы, – там можно нарушать запреты. Но совсем другое, когда все происходит наяву...

Забываю, почему нам нельзя, когда Ян целует меня в шею, парализуя внезапной нежностью. Поднимается к щеке. Касается ее почти невесомо, чтобы бдительность мою усыпить. И успешно выполняет миссию.

Уже в следующую секунду он нагло завоевывает мои губы. Так, будто право на это имеет. А я как назло поддаюсь. Сказываются последствия стресса от визита к гинекологу. Я так расстроена и разбита сейчас, что принимаю ласку единственного мужчины, чья близость мне приятна. Нуждаюсь в нем. Рядом с Яном боль притупляется, а глупое сердце стучит чаще.

Но с каждым толчком, разгоняющим кипящую лаву по венам, во мне разрастается чувство вины. За то, что мы делаем. Мычу возмущенно в пожирающий меня рот, но Ян и не думает останавливаться. Наоборот, становится настойчивее. Стиснув талию, разворачивает меня и впечатывает спиной в дверь автомобиля. Прижимает своим телом, чтобы точно не улизнула.

Он действует безумно, необузданно, жадно. Но самое страшное, что я не ощущаю ни паники, ни отвращения. Хотя должна! Остановить это немедленно!

И я делаю это. Как могу.

Кусаю Яна за губу. Со всей дури, которой у меня в принципе немало. Чувствую металлический привкус во рту. И даже жалею, что перестаралась. С прищуром смотрю на Яна, который наконец отходит от меня. Из его губы сочится кровь, но он игнорирует.

С меня платиновых глаз не сводит. Руки поднимает в знак примирения.

– Ёжик, – зовет виновато.

– Ты с ума сошел! Извращенец! – пытаюсь обойти Яна и сбежать, но он хватает меня за запястье. – Думаешь, если ты далеко от Польши, то все можно? – дергаю руку на себя, но тщетно.

Свободной ладонью стираю следы его поцелуев со своих губ. Нервно, рвано и отчаянно. Он замечает этот жест – и мрачнеет.

– Ты действительно веришь, что мы родные? – сомневается Ян, чем раздражает меня.

– А ты действительно считаешь меня мошенницей? – фыркаю обиженно.

Он медлит с ответом. После всего, что со мной сделали, до сих пор мне не верит? Впрочем, я ему тоже. Но все равно горечь отравляет все внутри.

– Хм, тогда ты не знаешь... – говорит Ян в свое оправдание, но звучит неубедительно.

– Не знаю чего? – вскрикиваю я.

– Садись в машину, поговорим у меня, – приказывает, словно все уже решено. – Без доказательств все равно не поверишь.

– Я никуда не поеду. Убирайся, Ян, – выдыхаю разочарованно. – Возвращайся к своим Левицким, где тебе самое место.

– Я и не ожидал, что будет легко, – шумно вздыхает. – Прости, Мика, но я тебя забираю.

Возмущенно приоткрываю рот от такой наглости. И теряюсь на мгновение. Этого хватает Яну, чтобы поймать меня и буквально затолкать в машину. На удивление бережно: я даже не ударилась ничем.

Одним движением пристегивает меня и дверь захлопывает. Дергаю за ручку изнутри, но Ян, пикнув брелоком, блокирует центральный замок. Обходит капот, на ходу набирая какой-то номер в телефоне. Нашел время для звонков.

Злюсь еще сильнее. Держу руку у двери, чтобы открыть, как только Ян снимет блокировку. А ему придется это сделать. Иначе как он сядет за руль?

Мне хватит этих секунд, чтобы сбежать. Я не намерена плясать под его дудку.

Победно усмехаюсь, когда водительская дверь открывается, но тут же врастаю в кресло. В статую превращаюсь, потому что до ушей доносится до боли родной хриплый голос, срывающийся в кашель.

– Надеюсь, ты звонишь сказать, что нашел мою малышку Мику? – звучит по громкой связи. – И не дай бог я узнаю, что с ней там что-то случилось за эти месяцы! Я тебя от семьи отлучу, – опять кашель.

– Да я сам себя отлучу, если... – бубнит Ян и осекается.

Сводит брови и косится на меня. Медленно по мне взглядом скользит, с неподдельным беспокойством. Но в искренность его эмоций до конца не верю. Левицким движет расчет, как и всей его семейкой.

Но все-таки я быстро стираю слезы с щек, протягиваю дрожащую руку к телефону и, всхлипнув судорожно напоследок, цепляю на лицо улыбку.

Включаю видеосвязь.

– Добрый день, Адам, – стараюсь говорить бодро. – Как здоровье?

Притаившись, как мышка, с волнением ожидаю ответа. Всматриваюсь в испещренное морщинами, усталое лицо, немного искаженное дисплеем телефона, и осознаю, насколько скупала. Так, что в груди щемит.

– Левицким назло, – смеется дед с хрипотцой. Вызывает у меня ответную улыбку. – Мика, внучка, почему ты сбежала? – обращается ко мне тепло, а я сжимаю свободную руку в кулак. Впиваюсь коготками в ладонь, чтобы отвлечься на боль и не расплакаться от эмоций. Чувствую, как Ян касается моей кисти, и тут же отдергиваю ее.

– Испугалась, что отругаю за ложь? – продолжает допытывать Адам, будто я несмышленный ребенок. – Так я сразу вас с Эдом раскусил. Ждал, когда наиграетесь в семью, детишки, и правду расскажете. Ни любви, ни брака, ни беременности ведь не было, так?

Киваю. Прячу взгляд. Остро жалею о том спектакле, что мы разыграли с доктором перед Левицкими. Ничего между нами не было.

«И не будет. Ни от кого беременности не будет», – добавляю мысленно, не вовремя вспоминая, как меня прогнал репродуктолог буквально только что.

– Но все равно я не понимаю, почему улетела так поспешно, – искренне удивляется дед. – Могла бы попрощаться. В больницу приехать, – с нотками обиды.

Смотрю на Яна, а тот головой отрицательно качает. «Он не знает», – шепчет одними губами.

Прикрываю глаза на секунду. Адам не в курсе, что наши родственники меня отравили, напичкав abortивными таблетками? Это к лучшему. Ему не стоит волноваться.

Прикрываю динамик ладонью и быстро бросаю Яну:

– А о своем отравлении? – едва слышно и коротко. Знаю, что поймет. Даже без слов поймет. Потому что читает меня, как открытую книгу.

– Он уверен, что случайно лекарство перепутали, – пожимает плечами Ян. Чувствую, что он расстроен и озадачен чем-то.

Возвращаюсь к телефону. К самому важному звонку за последние три месяца.

– Вы чего там шепчетесь? – ничего нельзя утаить от деда, поэтому стараюсь не лгать, а лишь глупо улыбаюсь. – Ты где остановилась в России? – спрашивает он.

– У сестры живу, – честно говорю. И вдруг слышу на фоне детский смех. – Даниэль? – срывающимся голосом. – А можно?.. – прошу показать мне малыша.

Изображение дергается и теряется, слышатся шорохи, а я с замиранием сердца всматриваюсь в дисплей. Едва не срываюсь в рыдания, когда вижу на экране сначала белобрысую макушку, а потом и заинтересованное личико трехлетнего племянника.

– Привет, Дан, – дрожащим тоном. – Ты как? Прости меня, маленький. Ты знаешь, за что.

Перед моим побегом я накричала на мальчика, потому что он влез в мои вещи и мог проглотить то, что ему бы навредило. Изо дня в день я ругала себя за импульсивную реакцию. Виновата ведь была я сама, а огорчила невинного ребенка.

– Я тебя очень-очень люблю, – шепчу с нежностью, приближаясь к камере.

Даниэль сводит бровки, тычет пальчиком в экран, ковыряет, будто достать меня оттуда хочет. Но по-прежнему молчит. Современные методики и лучшие психологи Яна не добились никакого результата. Мальчику нужна семья и спокойная обстановка в доме. Левицкие не могут предоставить ему ни первого, ни тем более второго.

– Деда береги, – намеренно разговариваю с Даном, как со взрослым. – И не разрешай ему есть и пить всякую гадость. Хорошо? Будешь там за главного, мой маленький мужчина.

Дан хлопает пушистыми светлыми ресницами, внимательно слушая меня, на секунду прикрывает камеру ручкой, но потом убирает ее. Посылаю мальчику воздушный поцелуй, а он вдруг дублирует мой жест. И, словно испугавшись самого себя, смущенно прячется от камеры.

– Ну все, нам обедать пора, – постановляет Адам. – В общем, берите билеты на ближайший самолет – и завтра вечером чтоб дома были оба.

– Но... – хватаю ртом воздух, не зная, как реагировать на строгий приказ.

– В крайнем случае, послезавтра, – заключат дед и тут же прерывает звонок. Чтобы я не успела поспорить.

Шумно выдыхаю, продолжая нервно сжимать телефон, будто стоит мне отпустить его, как последняя ниточка между мной и родными людьми оборвется. Родными?

Ян, проследив за мной, оставляет мне свой гаджет. И говорить что-либо не спешит. Вместо этого молча трогается и выруливает с парковки.

Не знаю, сколько времени проходит, когда я наконец понимаю, что совершенно не узнаю путь, по которому мы следуем.

– Куда ты везешь меня, Ян? – недовольно спрашиваю, положив его телефон в бардачок. Но страха нет, только возмущение. Все-таки я доверяю ему, хотя не следовало бы.

– Я же говорил, ко мне, – невозмутимо отзывается. – Я снял небольшой коттедж за городом на время, что буду в России. Рассчитывал застрять здесь надолго. С тобой... – поворачивает ко мне голову, гипнотизирует взглядом, подчиняет разум и сердце серебристой ртутью. – Знал, что будет сложно договориться.

– Так! Нет, подожди, – вскрикиваю я, опять раздражаясь. – Отвези меня домой! – фыркаю зло и руки на груди складываю.

Но Ян устремляет внимание на дорогу, обронив чуть слышно:

– Твой дом там, где я.

Глава 5

Выхожу из машины, как только Ян открывает центральный замок. Не жду, пока он проявит галантность и поможет мне покинуть салон. Вместо этого позорно сбегаю. От удушающей близости, от его серебристого взгляда, от своих оголенных чувств.

Ян слишком настойчивый сегодня. Совсем как в нашу первую встречу в Кракове. Вот только «защищаться» мне на этот раз от него нечем. И... не хочется, в чем заключается главная опасность.

Сделав глубокий вдох, чтобы освежить мысли и охладить эмоции, я осматриваю место, куда Ян привез меня.

Загородный дом из сруба, окруженный зеленой рощей. Никаких соседей в поле зрения. Только густые кроны деревьев, открытая резная беседка, качели и... небольшое озеро. Тянусь к нему, словно к мощнейшему магниту.

Набираю полные легкие свежего влажного воздуха, напитанного ароматами трав. На доли секунды прикрываю глаза.

– Красиво, – выдыхаю тихо и уверена, что Ян не слышит.

– Я знал, что тебе понравится, – шелестит почти над головой, и я резко оборачиваюсь.

Задираю голову, потому что Ян намного выше меня. И мы оказываемся лицом к лицу. Так неприлично близко, что ощущаю легкое рваное дуновение на своих щеках. И на губах. Но это не ветер. Слишком горячо и сбивчиво.

– Ян, хватит, – толкаю его, но он даже с места не двигается. Поэтому отойти приходится мне. – Не слишком ли нагло ты ведешь себя? Разве не помнишь, чем это закончилось в нашу первую встречу, – дерзко вскидываю подбородок.

– Помню, – на удивление тепло улыбается, хотя должен злиться, ведь тогда я опоила его, обокрала и сбежала. Но он ласково проводит подушечками пальцев по моей щеке. Щелкает по носу.

– Кхм... Ян, – внезапно охрипшим голосом осекаю его я, а сама пячусь назад, к озеру. – Не знаю, что ты себе придумал, но у нас не было ничего тогда, – признаюсь и взгляд прячу.

– Я в курсе. И рад этому, – изгибает бровь и смотрит так пристально, что я не знаю, куда себя деть. – Потому что я бы хотел прочувствовать все в деталях. Без снотворного, что ты мне подсыпала, – чуть наклоняется ко мне.

– И тебя совсем ничего не смущает, братишка? – акцентирую на последнем слове и ехидно прищуриваюсь, наблюдая, как Ян чернеет от гнева.

Несмотря на внешнюю колючую оболочку, внутри меня тоже полыхает пожар. Поэтому я делаю еще пару шагов назад. Оступившись, чувствую, как почва уходит из-под ног. Рискую улететь спиной в озеро, балансируя на краю.

– Мика! – зло рычит Ян, однако вовремя хватает меня за руку, дергая на себя.

– Ян! – отталкиваю его, но стараюсь сама больше не терять равновесие.

Резкий порыв ледяного ветра проносится между нами, треплет мои волосы, пробирается сквозь ткань одежды. Ежусь невольно, обхватываю себя руками, потираю плечи.

– Идем в дом, холодно, – проследив за мной, Ян берет меня за локоть и увлекает в сторону коттеджа.

Чашка зеленого чая без добавок опускается на стол передо мной. Импульсивно обхватываю ее ладонями, наслаждаясь жаром. Исподлобья поглядываю на Яна.

Мы вдвоем на уютной кухоньке. Я сижу за барной стойкой на жутко неудобном твердом стуле. Ян устраивается напротив. Невольно кошусь на кружку в его руках, изучая содержимое.

– Чай? – удивляюсь я. – Почему не кофе? – опять всплывают детали нашего знакомства.

– Мне больше не нравится его вкус и запах, – повторяет мои слова, сказанные в Кракове. Будто в прошлой жизни все это было. – И возможное побочное действие, – намекает на то, что я могу подмешать ему что-то незаметно.

– Зачем привез меня сюда и наедине остался, если не доверяешь? – бурчу недовольно и отставляю свою чашку, так и не пригубив.

Ян спохватывается, будто вспомнив нечто важное, поднимается и молча покидает кухню. Чтобы вернуться минут через пять с какими-то бумагами в руках.

– Что это? – недоуменно хлопаю ресницами, когда он кладет листы передо мной.

Какие-то цифры, проценты, слова польские. Язык я более или менее понимаю уже. Но на специальных терминах спотыкаюсь.

– Результат теста ДНК на наше с тобой родство, – уточняет Ян, еще сильнее погружая меня в шок.

Отрываюсь от бумаг, поднимаю непонимающий взор на Левицкого и шумно выдыхаю.

– Но я ничего не сдавала! – возмущенно спорю. – Что за бред! Откуда это? – отодвигаю от себя «доказательства» Яна, но он, открыв на нужной странице, возвращает мне.

– Мика, я провел тест ДНК сам, тайно. Между мной и тобой. Лаборатории хватило материала с твоей расчески, – усмехается. – Я сдал его до того, как... – мгновенно мрачнеет. И мы оба знаем, что он имеет ввиду мое отравление, однако озвучивать не хочет. – До того, как все случилось. Потом ты сбежала, а я так и не успел рассказать тебе правду. О том, что мы неродные с тобой.

Внимательнее вчитываюсь в текст.

Вероятность биологического родства 0%.

Не могу сделать вдох, легкие парализует. Некоторое время просто сижу, округлив глаза. Ян не мой брат?

– Но как? – вскрикиваю я. – Почему? Это ошибка какая-то...

Откидываю от себя документы, будто они кислотой пропитаны, и листы разлетаются по столешнице.

– Нет. Эта лаборатория не ошибается. Одна из лучших в Польше, – делает паузу, чтобы вынести финальный приговор. – Кто-то из нас двоих не Левицкий.

И умолкает, впиваясь в меня взглядом. Закатываю глаза и подаюсь вперед, облокотившись о стол.

– Ты, конечно же, думаешь, что это я подкидыш? – выплевываю ядовито, заранее зная ответ.

Ян и не спорит. Не пытается убедить меня в обратном, успокоить.

– Да, я так думал, – бросает непринужденно.

Внутри меня все кипит, но внешне стараюсь сохранять равнодушный вид.

– Послушай, братишка, – намеренно раздражаю Яна, глядя, как он морщится, будто от зубной боли. – Досье на нас с сестрой собирали очень влиятельные люди. Они хотели использовать Дану в своих целях, в том числе и добраться до вашего наследства. Так что вместо меня ты мог обрести родственников похлеще, – подмигиваю ему.

– Мы с тобой не родственники, Мика, – буквально рычит, придвинувшись ближе ко мне.

Отстраняюсь на всякий случай. А потом и вовсе встаю с места.

– Можешь и дальше считать меня подставной Левицкой, но я знаю, что это не так, – упираюсь бедром в край стола. – Документы настоящие! – четко проговариваю каждый слог. – Иначе эти люди не шантажировали бы меня и не давили бы на Дану, заставляя ее, на секундо-дочку, – поднимаю палец вверх, – ...стать суррогатной матерью и родить им ребенка. Кровного наследника Левицких, понимаешь?

Ян ослабляет ворот рубашки, будто ему вдруг стало душно, рваными движениями расстегивает пару верхних пуговиц, оголяя мышцы груди. И жарко теперь становится мне. Нена-

вижу краснеть и смущаться, но именно это непроизвольно делаю сейчас. Сглотнув, отворачиваюсь, чтобы Ян не заметил.

– Кто эти люди? Где они сейчас? – зло цедит он, готовый ринуться в бой.

О наследстве своем обеспокоился? Лишних «ртов» испугался? Как и все Левицкие, Ян наверняка сосредоточен исключительно на деньгах. Из меня корень зла делает, а сам ничем не лучше.

– Уже не важно, – отмахиваюсь равнодушно. – Отдыхают в австрийской тюрьме, – добавляю с легкой ухмылкой.

– Хм, не понял, – поднимается Ян и обходит барную стойку, чтобы стать ко мне вплотную. И выбить последние остатки воздуха из моих легких.

– Ну-у, – тяну я и скольжу вдоль стойки назад. Дальше от него, – Я вместо Даны поехала им «наследника рожать», – выпаливаю честно, а Ян едва не взрывается. – Они все равно нас путали. Но когда мы были в клинике ЭКО в Австрии, у них нашли кое-что о-очень запрещенное, – чуть улыбаюсь, когда вспоминаю, как подставила тех подлых мужчин, которые были уверены в своей безнаказанности и упивались властью над нами с Даной. – Представляешь, какое совпадение? А с виду приличные люди, – хихикаю с сарказмом.

Ян некоторое время сканирует меня, обрабатывает в мозгу мои слова. И только потом выдыхает с облегчением.

– Мика, ты неисправима, – качает головой.

– Еще бы! Так что ты в нашу первую встречу легко отделался, – смеюсь нервно. – Всего лишь выпался.

– Спасибо за заботу, – чуть ли не хохочет Ян, но в следующее мгновение возвращает себе серьезный вид. – Мика? – зовет беспокойно. – Откуда у тебя эти... «навыки»? Зачем?

Сжимаю губы в одну линию, стискиваю кулачки и становлюсь спиной к Яну, не выдержав его испытывающего взгляда.

– Не важно, – шиплю я, не желая вспоминать прошлое.

Теплая ладонь аккуратно касается моего плеча, разворачивает бережно, но настойчиво.

– Для меня важно, – голос Яна пропитан заботой и участием. – Я хочу знать, что с тобой произошло.

И вновь эта ртуть, гипнотизирующая и подчиняющая. Я почти готова сдаться, даже чуть рот приоткрываю, чтобы заговорить. Но мысленно одергиваю себя. Нельзя. Если доверюсь, то обязательно поплачусь за это. С мужчинами всегда так.

Ян вряд ли искренен сейчас. Скорее, преследует какие-то личные цели. Как только добьется – вышвырнет меня за ненадобностью. Из своей жизни и как можно дальше от семьи, частью которой меня не считает.

– Нет, – выкручиваюсь и обхожу Левицкого, намеренно задев локтем.

И шагаю прочь из кухни. Останавливаюсь только в холле, осознав, что я в ловушке. Как я могла бдительность потерять?

Достаю телефон, но Ян оказывается рядом и выхватывает его.

– Мика, ты же не такая, какой пытаешься казаться, – не отступает он. – У тебя будто защитная реакция. От кого?

Приобнимает меня за талию, притягивает к себе, дезориентируя на мгновение внезапной нежностью. Далеко не родственной. В моей голове проносятся миллиарды разрозненных мыслей.

И, наверное, только в этот момент я наконец-то осознаю, что пытался донести до меня Ян тем тестом ДНК. Не понимаю до конца, как это вышло, но мы с ним...

Неродные... А значит...

Поднимаю взгляд на мужчину, которым бредила все эти месяцы.

Ничего это не значит!

– Отстань, Ян! – высвобождаюсь из его рук. – Хочешь знать, от кого я защищаюсь? – с вызовом рявкаю. – От таких, как ты! От мужчин, которые не слышат слова «нет»! – демонстративно ладонь выставляю. – Отдай мой телефон, я такси вызову.

Отрицательно качает головой и в карман брюк его прячет. Знает, что туда я уж точно не полезу.

– Мика, смирись, – в глазах играют платиновые искры. – Отсюда некуда бежать, разве что вплавь.

– Ты ведешь себя, как маньяк из фильма ужасов, – бубню я и прикрываюсь руками.

Ян сводит брови и хмуро скользит по мне взглядом.

– Разве я давал тебе когда-нибудь повод бояться меня? – выдает с нотками разочарования.

– Дай-ка подумать... – провожу пальчиком по подбородку, будто размышляю. – Например, когда грозился уничтожить меня и прогнать из дома Левицких, м-м-м? – мычу обиженно.

– Прости, я сказал это на эмоциях, – произносит Ян так, будто действительно сожалеет. – После того, как деду подсыпали не то лекарство...

Отмахиваюсь раздраженно, отхожу как можно дальше и плюхаюсь на диван в гостиной.

– Ты решил, что это сделала я, – не спрашиваю, а постановляю. Ведь знаю, какого мнения обо мне Ян.

– Я миллион раз уже пожалел об этом, Мика, – неожиданно заявляет он и садится рядом, боком ко мне, оперев локти в свои колени.

Украдкой смотрю на Яна. Понимаю, что нельзя, но верю ему.

Пауза затягивается, и я решаюсь разорвать тишину.

– Ты не разговаривал с Адамом? – уточняю и тут же губу изнутри кусаю. От волнения. – По поводу нашего... хм... неродства? Как это возможно вообще? – меня чуть ли не трясет.

Я совсем ничего не понимаю! Мозг отказывается анализировать информацию! Что делать, если именно я окажусь чужой Левицким? Тогда получается, все те документы сфальсифицированы? А я сглупила, ворвавшись в их семью? И во вранье обвинят, как обычно, именно меня.

В таком случае Адам мне не дед, а Дан – не племянник. И все рушится, как карточный домик. Господи, когда же я успела так привыкнуть к ним, что от одной мысли об этом больно становится?!

– Нет, Адам был категорически против проведения теста ДНК, – объясняет Ян спокойно, словно ничего необычного не происходит. – Я решил его пока не нервировать. И так еле вытащили после отравления.

– И о том, что со мной сделали, тоже не сказал поэтому? – не замечаю, как по моим щекам произвольно стекают слезы. Но это видит Ян. Руку протягивает, касается кожи почти невесомо, ведет пальцами, размазывая соленые капли.

– Он бы не выдержал, Мика, – объясняет чуть слышно. – Адам слишком любит тебя.

Вздрагиваю от его фразы. Отбиваю блуждающую по моему лицу руку, подскакиваю с дивана. Пытаюсь эмоции как можно глубже в себя затолкать, но тщетно. Так и рвутся наружу.

Что со мной делает Ян? Душу обнажает. Заставляет чувствовать. Верить.

– Я провела в Польше всего пару месяцев... – возражаю я.

– Не важно, – перебивает все так же тихо, но убедительно. – Порой достаточно одного дня.

И этот намек на наш «один день» в Кракове, когда мы еще не знали, кто мы друг для друга, вызывает полчища мурашек.

– Зачем ты делаешь все это, Ян? – выдавливаю сипло.

– Я уже говорил, – шепчет горячо. – Я хочу забрать тебя.

– Туда, где меня чуть не убили? – всхлипываю я, ненавидя себя за слабость. – Чтобы завершить начатое?

– Там сейчас безопасно, Мика, – произносит строго, убедительно и берет меня за плечи. – Думаешь, чем я занимался эти три месяца? Все родственники отправились по своим домам. В особняке только Адам, Дан, прислуга и охрана.

– И Елена? – отрываюсь испуганно, потому что уверена: это она подмешала мне таблетки.

– Нет. Уволена, – внезапно рычит Ян. – Я услышал тебя тогда, так что ее проверили первой, пока дед в больнице лежал. Она привлечена к ответственности.

– Хорошо, – киваю. – Я рада, что Адам и Дан в безопасности. Но зачем мне возвращаться в Польшу? Я лучше останусь у сестры.

– Ты нужна нам, – обезоруживает одной фразой.

– Мое мнение никого не интересует? – фыркаю, пряча за дерзостью свое волнение.

– Интересует, – чуть заметно уголки его губ ползут вверх. Ян понял, что я «кусаю» его, потому что сомневаюсь. – Поэтому ты сейчас здесь, а не в самолете. Чтобы самостоятельно принять решение.

– Так просто? – ухмыляюсь. – Тогда мой ответ «нет»! Можем ехать к Враговым?

Ян отпускает меня, но далеко не отходит. Достает свой телефон, ищет какой-то номер.

– Что же, хорошо, – тянет задумчиво, но я ожидаю подвох. – Только сама скажи об этом Адаму, – протягивает мне гаджет, на дисплее которого высвечивается контакт деда.

– Ты играешь нечестно! – нажимаю кнопку отключения и отбрасываю телефон на диван.

Голос срывается, сердце с размаха бьет в ребра, а дыхание сбивается, когда Ян порывисто обнимает меня. Касается своим лбом моего, смотрит в глаза, сжимает талию, ползет ладонями выше.

– Я не играю, Мика, – добивает срывающимся голосом, хриплым и бархатным. – Серьезно. Возвращайся.

Глава 6

Ян

Мика опускает ресницы, и я не знаю, могу ли расценивать это как «да». Пытаюсь поймать ее взгляд, однако она разрывает наш хрупкий зрительный контакт. Ожидаю, что опять кусаться будет, но ёжик лишь вздыхает лихорадочно и вдруг прижимается щекой к моей груди, где-то в области сердца.

– Согласна? – осторожно уточняю.

Чувствую, как Мика кивает. Делает легкое, почти незаметное движение головой.

И мне этого достаточно. С трудом подавляю облегченный выдох. Я готов заорать в этот момент, но стискиваю челюсть до скрипа.

Наш маленький, но такой важный шаг друг к другу.

Мне еще столько рассказать Мике необходимо. И далеко не все ей понравится. Поэтому я даю информацию порциями. Дозированно. А кое-что так и останется в тайне. Потому что одно неверное слово – и ёжик сорвется с крючка. Выпустит опять свои иголки, закроется. А я допустить этого никак не могу.

Мне бы больше времени, но Адам в очередной раз сделал все по-своему. Спутал карты, и теперь я вынужден торопиться. Предчувствие вопит, что я пожалею об этой спешке. Не по-человечески все получается.

Но выбора нет. Сейчас или никогда.

Нужна мне Мика. Какой бы странной и сложной она не была.

– Я забронирую билеты на самолет на завтра, – выверяю каждое слово, будто делаю шаги по минному полю.

Делаю паузу, жду. Взрыва не происходит.

Пока все идет нормально. За исключением того, что я солгал только что. Билеты куплены, лежат в моем чемодане. Я все предусмотрел заранее и не собирался улетать без Мики. Но ей детали лучше не знать.

– Мне нужно собрать вещи, – окончательно капитулирует Мика. Но расслабляться я не спешу.

– Утром заедем. Пока отдохни, – утыкаюсь носом в ее светлую макушку, вбираю запах шампуня, без намека на какой-то парфюм. И дурею от аромата Мики. Мой маленький афро-дизиак. – Можешь выбрать себе любую комнату, – добавляю уже хрипло.

– Есть с замком на дверях? – неожиданно выпаливает она и голову запрокидывает.

На доли секунды застываю, всматриваюсь в заплаканное личико, наивное и милое, несмотря на несносный характер его обладательницы. Пропускаю через себя вопрос Мики, и он застревает где-то в области солнечного сплетения, разворотив все внутри ножом-бабочкой.

Потому что я понимаю: ёжик спрашивает о замке неспроста. Продолжает защищаться. Несмотря на то, что мы вдвоем здесь. Не верит мне, боится. Опасается.

Какого хрена?

Беру ее за плечи. Хочется встряхнуть из девчонки всю правду. Не отпускать, пока не откроется. А потом уничтожить тех, кто сделал ее такой. Зажатой, колючей и испуганной.

– Да, – заставляю себя ответить. – Должна быть, – с трудом отпускаю Мику. – Посмотри на втором этаже. Там и вид красивее, и...

– Ага, ладно, – перебивает меня и сбегает.

Медленно следуя за ней, когда она взлетает вверх по ступенькам, идет вглубь коридора и открывает самую дальнюю дверь. Единственное, что проверяет, так это наличие защелки. Даже на интерьер не смотрит. Кивает сама себе и скрывается в комнате, повернув замок.

Некоторое время стою посередине коридора, уставившись в одну точку. Впервые в жизни не знаю, как поступить дальше. Сказал бы мне кто-то полгода назад, что я буду вот так теряться с девушкой, в морду бы дал и посмеялся бы над идиотом. Я любую мог... кхм... «расположить» к себе. Порой неинтересно становилось.

Зато сейчас. Бред какой-то творится.

Единственная девчонка, от которой все внутри сводит и мозг отрубается, для меня какая-то... недостижимая. Понятия не имею, что делать с ней. Сломать боюсь, отпугнуть. Но и отпустить не собираюсь.

Беру тайм-аут. До вечера.

Все это время сижу в гостиной на твердом диване, а Мика даже носа не показывает.

Пообщались!

Вздыхнув, иду на кухню, готовлю нехитрый ужин из заранее купленных полуфабрикатов. С ним и поднимаюсь к Мике. Мне нужен повод, чтобы увидеть ее и убедиться, что все в порядке.

Стучусь негромко, но ничего не происходит. Барабаню по двери настойчивее, пока Мика не открывает. Медленно и настороженно.

Машинально скольжу по ней взглядом: босая, распаренная, завернутая в халат, который был в ванной. Ее волосы после душа стали чуть темнее, цвета зрелой пшеницы на корнях и платиновые на концах. Зачем Мике было вообще красить их? Не замечал, чтобы она за модой гналась и на внешности заморачивалась. Ёжик и без этого шикарна, манит своей естественностью и невинностью, во всех смыслах.

– Что случилось? – Мика опускает глаза на поднос с едой в моих руках. – Это мне? – удивляется так искренне, как будто я что-то сверхъестественное сделал.

Ресницами хлопает недоуменно, но при этом почему-то в халат кутается. Прячется от меня.

Очередная странная реакция, которой мне не понять. Ёжик настолько дикая, что даже элементарные ухаживания принимать не умеет.

Я же, вопреки здравому смыслу, схожу с ума от ее внешнего вида и поведения. Если бы Мика знала, как у меня сносит крышу от нее, то... точно бы умчалась отсюда вплавь. Поэтому засовываю свои желания в одно место и возвращаю мозг в черепушку.

– Ну а кому еще, – не выдержав, смеюсь. – Нет, я пришел, чтобы при тебе самому все съесть. А ты слюной истекай. Бери, – добавляю нежнее.

– Спасибо, – Мика несмело перехватывает поднос, ставит его на комод недалеко от входа. Испытывающе смотрит на меня, прогоняя мысленно. И хмурится, потому что я не спешу.

– Билеты забронировал? – бросает мрачно, а я киваю. – Тогда до завтра, – берется за полотно двери.

– Подожди, ёжик, – останавливаю рукой, не позволяя закрыть.

Достаю из кармана брюк телефон Мики и протягиваю ей. В конце концов, она не заложница здесь. И мы договорились. Вроде бы.

Кажется, это срабатывает. Ёжик расслабляется, принимает телефон и даже улыбается слегка. Но стоит мне сделать шаг в коридор, покинув территорию ее комнаты, как она молча захлопывает дверь перед моим носом.

И словно контрольный выстрел, раздается щелчок замка.

Приехали.

Упираюсь лбом в холодное дерево, пытаюсь и сам остыть. Стою так некоторое время, а потом тяну руку вверх, к дверной раме. Провожу по пыльному выступу, нащупываю ключ. На всех дверях в этом коттедже изнутри защелка, а снаружи обычный замок.

Безусловно, я не намерен злоупотреблять этим. Беру ключ на всякий случай.

И не зря.

Потому что посреди ночи меня будит жалобный женский плач, что доносится через тонкую стенку. Из соседней комнаты, рядом с которой я поселился намеренно. Как можно ближе к Мике.

Будто лунатик, иду на звук. Всхлипы перемешиваются с криками.

Не задумываясь, поворачиваю ключ в замке, распахиваю дверь и подбегаю к постели, по которой мечется, будто в лихорадке, Мика.

Сгребаю жаркое, дрожащее тело в охапку, пока девчонка царапается и дерется, не осознавая, где она и с кем.

– Тише, ёжик, – уговариваю обезумевшую от страха Мику. – Проснись. Ты в безопасности. Я с тобой.

Глава 7

Доминика

Липкие пальцы ползут по горлу вниз, оставляют мерзкий влажный след на ключице, забираются в разрез блузки.

Ледяная рука задирает юбку, сжимает бедро.

В носу стоит запах сырости, которым пропитана темная кладовка. И пота мужского тела, что давит на меня со спины, впечатывая грудью и животом в холодную стену.

Ловушка захлопывается. Безысходность парализует. Страх отключает мозг.

В ушах шум и гадкий голос.

– Довыпендривалась, мелкая тварь? Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Сейчас я тебя...

Невидимый тумблер щелкает в сознании, активируя крик. Безумный, животный вопль. Не верится, что он исходит из меня.

Я. Не. Сдамся!

Брыкаюсь, как одержимая, размахиваю руками, лягаюсь ногами.

Но он сильнее, старше, мощнее. А я одна.

Во всем доме больше никого.

Только он. Рядом. Всюду. Вокруг.

Мне нечем дышать.

Я бьюсь до последнего...

Липкие холодные лапы превращаются в теплые объятия. Вонь сменяется каким-то до боли знакомым запахом, почти родным. А голос... звучит ласково, успокаивающе.

– Тише, ёжик. Проснись. Ты в безопасности. Я с тобой.

Выныриваю из кошмара и пытаюсь понять, где я сейчас и что происходит. Но мысли путаются, а тело млеет расслабленно в чьих-то руках, из которых больше не хочется вырываться.

Ко мне возвращается чувство защищенности. И его я способна испытывать только с одним мужчиной.

Ну нет! Только не он! Не в этот миг, когда я жалкая и разбитая.

Медленно поднимаю голову, различаю в тусклом свете прикроватной лампы знакомые черты лица. И обреченно выдыхаю:

– Ян?

Замечаю царапины на его щеке, настолько глубокие, что их видно даже в полумраке. Импульсивно поднимаю руку, касаюсь пальцами ран, чувствую что-то влажное на подушечках.

– Это я? – задаю глупый вопрос, ведь и сама знаю, что я. Расцарапала Яна до крови, когда боролась с призраками прошлого. Сумасшедшая, неадекватная истеричка со сломанной психикой. И как же противно, что он узнал меня такой.

– Не важно, – шепчет хрипло, участливо. Жалеет, как котенка подзаборного, отчего мне только хуже. – Ты как?

Отвратительно, Ян, отвратительно! Особенно сейчас, когда ты стал свидетелем моей большой паники!

Мне казалось, что я справилась со своими кошмарами. Подавила их в себе несколько лет назад. Не полностью, ведь я по-прежнему видела мерзкие эпизоды прошлого во снах, но хотя бы не кричала наяву, контролировала себя. И даже в Польше, под одной крышей с Левицкими, ничем не выдала свою неадекватность.

Но стресс после отравления отбросил меня на исходную. На протяжении трех месяцев Дана чуть ли не дежурила возле моей спальни, готовая успокоить меня после очередного приступа. Антидепрессанты я упорно отвергала, а снотворное помогало через раз.

Но только что... Кажется, произошла самая мощная вспышка воспоминаний. Я опустошена настолько, что не могу дышать. Не то чтобы говорить.

Однако должна. Обязана собрать остатки воли в кулак, чтобы опять казаться сильной.

– Все в порядке, – отзываюсь бодро и даже улыбаюсь. – Я в полном порядке, – повторяю, как мантру. Но не помогает, потому что внутри по-прежнему все дрожит.

– Ты кричала, – произносит Ян все так же тихо, будто спугнуть меня боится. – Громко, – скользит изучающим взглядом по моему лицу.

– Ужастиков на ночь пересмотрела, – хихикаю нервно. В качестве отвлекающего маневра.

Пытаюсь высвободиться, но Ян крепко держит меня за плечи. Сам остается серьезным.

– Расскажи, – звучит полупросьба-полуприказ.

– Сюжет фильма? – продолжаю изображать дурочку, но с ним мои уловки не работают. – Я уже успокоилась, Ян, – меняю тактику. – И хочу спать. Спокойной ночи, – многозначительно киваю на дверь, но тут же хмурюсь. – Как ты вошел? Я закрывалась.

– Для меня не существует замков, когда дело касается тебя, – чеканит он. – Ложись, – заявляет неожиданно.

Аккуратно укладывает меня на постель, заботливо накрывает одеялом. А сам устраивается рядом, на боку, приподнявшись на локте и подперев голову рукой. Нависая надо мной, впивается в меня взглядом-рентгеном.

– Расскажи, что случилось с тобой? – повторяет, будто загипнотизировать пытается.

– Ян, но...

– Мика, ты знаешь меня. Я настойчивый и не отступлю, – делает паузу, обдумывая свой следующий шаг. – Хочешь спать? – киваю неуверенно, предвкушая подвох. – Тогда рассказывай. Иначе не уйду.

– Не хочу, – признаюсь честно, однако поворачиваюсь на бок, чтобы быть лицом к лицу с Яном, и натягиваю одеяло до самого носа.

– Доверься мне, – протягивает ко мне руку, касается волос, проводит от виска к затылку. – Тебе станет легче, ёжик.

Ян берется за край одеяла, одергивает вниз. Он не меня раскрывает, а словно душу мою обнажает. Она искрит и кровоточит.

Прикрываю глаза и выпаливаю на одном дыхании:

– Легче? Мне с пятнадцати лет так и не стало легче. С тех пор, как меня домогался сводный брат...

Рука Яна непроизвольно сжимается на моей голове, дергает локоны. Морщусь не от боли, а от неожиданности. Но хватка тут же ослабляется, уступая место ласковым поглаживаниям. Будто я ребенок, которого нужно успокоить.

– Дальше, – короткий, тихий указ.

И я срываюсь. Слезы текут сами собой, а следом звучат и слова. Будто это не я произношу их. Хочу остановить себя, но глупая наивная Мика, которую я запечатала внутри, сейчас вышла из-под контроля.

– После смерти родителей нас с Даной отправили в детдом, потому что никто из родственников за нами не явился, – не могу подавить нотки обиды. На Левицких. – Через какое-то время нами заинтересовалась одна супружеская пара. У них был детский дом семейного типа, и они забрали нас к себе. Не удочерили, нет, просто взяли временно на воспитание, до совершеннолетия. Мы... должны были радоваться, что растем в подобии семьи. Кроме нас, там были еще дети. Среди них лишь единственный родной сын этой пары – Игнат. И его мы были обязаны слушаться, – сглатываю, стоит лишь вспомнить этого прыщавого шкафа. – Правда, Дана вскоре тяжело заболела, и «приемные родители» каким-то хитрым путем вернули ее в детдом, чтобы избавиться «от заразы», а мне сказали, что она там и умерла.

– Вы ведь встретились? – догадывается Ян.

– Да, мы нашли друг друга незадолго до моего приезда в Польшу, – хмыкаю я. – Как бы это ни было странно, но благодаря тем самым шантажистам, которых я оставила в австрийской тюрьме. Они вынуждали меня подставлять Дану, выдавая себя за нее. Я поначалу даже не знала, что и зачем делаю. А когда все поняла – и мы с сестрой объединились, то... бедными стали они, – ухмыляюсь я.

Умолкаю. Может, довольно откровений на сегодня? Больно вдаваться в подробности, горько ворошить прошлое. Но Ян намерен вывернуть меня наизнанку.

– Дальше, ёжик, – накрывает мою щеку ладонью и поглаживает кожу большим пальцем.

– Ну, пока я была маленькой, жить в той семье было... кхм... терпимо. Да, нас заставляли выполнять разную работу по дому и не только, тяжести таскать, но это действительно мелочи. Труда я не боялась. Я боялась Игната, который возомнил себя чуть ли не надсмотрщиком. И позволял себе нас бить. Ну а я... делала ему гадости исподтишка, – закусываю губу, подходя к самому страшному. – Когда мне было пятнадцать, ему как раз восемнадцать исполнилось. Ну и... Игнат и раньше позволял себе меня трогать, за что получал по рукам и другим частям тела. А в один день он... зашел слишком далеко.

Не успеваю подавить сдвленный всхлип – и прикрываю рот ладонью. Чувствую, как по виску на подушку ползут соленые ручейки.

– Мика, – срывающимся голосом зовет Ян. Как будто издалека, а я в вакууме, погруженная в жуткие воспоминания.

– Что Мика? – вскрикиваю я. – Он дождался, когда дома никого, кроме больной бабули, не будет, зажал меня в кладовке и чуть не... Я бы не вырвалась. Никак. Игнат был сильнее. Мне повезло, что у него... кхм... ну... – теряюсь и краснею, словно мне до сих пор пятнадцать. – В ответственный момент он не смог ничего со мной сделать. Ударил меня от злости и ушел.

– Ты сказала приемным родителям? – допытывается Ян.

– Да, – усмехаюсь я сквозь слезы. – Они решили, что я лгу. Заявили, будто у меня плохая наследственность и гены шлюхи. И я оговариваю их «хорошего мальчика». Еще и наказали. Правда, я им на следующий день слабительного подмешала, которое в аптечке бабули нашла, – уточняю со злостью.

– Моя храбрая девочка, – ласково шепчет, перебирая пальцами локоны, отчего я немного успокаиваюсь.

Но ненадолго.

– Потом начался настоящий ад. Игнат, озлобленный своим «позором», прохода мне не давал, – хнычу я, раскрывая душу перед Яном. – Преследовал дома, в школе, лапал, делал больно. Угрожал привести друзей и завершить начатое. Я запиралась от него в комнате, пряталась на чердаке, сбегала к бабуле и сидела у нее часами. Я постоянно находилась в страхе. В напряжении. Не могла спать, озиралась по сторонам, когда покидала «убежище». Иногда мне казалось: лучше бы Игнат взял свое и отстал от меня, – Ян дышит тяжелее и сжимает мое предплечье. – Потому что морально он мучил меня еще сильнее. Я превратилась в настоящего параноика, – дрожащим голосом добавляю шепотом: – И до сих пор им осталась.

Прячу лицо в ладони, выдыхаю тяжело, ощущаю, как Ян гладит меня по плечу, спине. Обнимает. Хватаюсь руками за его футболку, будто ища спасения, утыкаюсь носом в лихорадочно вздымающуюся грудь и продолжаю тише:

– Я устала быть беззащитной и залезла в аптечку бабули. С того момента я перепробовала на Игнате практически все ее лекарства, не зная заранее их действия. Методом тыка. Сводный то страдал от диареи, то терял сознание от внезапно упавшего давления, то задыхался от аллергии... Родители возили его к врачам, даже проверяли на наркозависимость. Но главное, Игнату было не до меня.

На секунду смотрю на Яна. Ловлю на себе сочувственный и в то же время напряженный платиновый взгляд. Опускаю ресницы, чтобы не вступать в зрительный контакт. Так говорить легче, когда чувствуешь, но не видишь.

– Когда мне было семнадцать, бабуля умерла. Единственный человек, который нормально относился ко мне в той семье, оставил меня, – надуваю губы, будто она виновата в своей смерти. – Другие дети были старше – и к этому моменту многие из них «выпустились» во взрослую жизнь. Семья тем временем подбирала в детдоме «новых» воспитанников. Игнат становился все сильнее и бешенее. И я... поняла, что жить там больше не смогу. Я сбежала, украв у них... – качаю головой, отважившись всю правду сказать. – Да я хватала все, что плохо лежало. Деньги, ценности, даже аптечку бабули. Смылась из их загородного домика в столицу, где смогла затеряться в толпе. И скрывалась до совершеннолетия, чтобы меня насильно не вернули в семью.

– Тебя больше... не обижали? – Ян говорит со мной, как с маленькой, но в тоне четко прослеживается сталь.

– Я больше не позволяла себя обижать, – чеканю гневно. – Я какое-то время работала в круглосуточном кафе уборщицей. Нелегально. Чтобы не «светиться». Когда ко мне начал подкатывать хозяин заведения, я «угостила» его таблетками от бабули – и опять сбежала.

– Малышка моя, – шепчет с надрывом, отчего мне становится жалко себя.

– Я не знаю, когда это произошло, но в какой-то момент в мозгу что-то щелкнуло, а в груди закаменело, – произношу внезапно обледеневшим тоном. – Страх ушел. Будто умерло что-то внутри меня. Остался только холод. И вообще ноль эмоций. Словно пустая стала. Тогда же я наткнулась на один элитный ночной клуб. И не заметила сама, как начала опаивать и обчищать богатых мужчин. Во мне играла не столько жажда денег, сколько желание проучить их, отомстить. Будто это они виноваты в том, ЧЕМ я стала. Один раз влипла, но меня спас администратор. Он вообще хорошо ко мне относился, прикрывал. Странный, – пожимаю плечами.

– У вас были... – Ян запинается, – ...отношения?

– Наверное, могли быть, – свожу брови задумчиво, вспоминая того парня. Он действительно хорошим был. – Но нет. Я сбежала. В очередной раз, – шумно втягиваю воздух носом. – Ну, а потом были те влиятельные люди, которые использовали мое прошлое против меня, встреча с Даной. И... Польша. Все, – отодвигаюсь от Яна, но он приближается.

– Где. Тот. Подокон? – чеканит железным голосом. – Игнат? Дай мне адрес и...

– Думаешь, я не искала его потом? – выпаливаю с проступившим ехидством. – Не так давно я ездила в тот дом... К нему... Чтобы отомстить. Но... – проталкиваю образовавшийся в горле ком. – Игнат сам это сделал за меня.

– То есть?... – недоумевает Ян.

– Он все-таки добился своего. Но не со мной, – не выдержав, срываюсь в плач. – С другой несовершеннолетней девочкой. И сел. Надолго. Так что сейчас расплачивается за все. В тюрьме к таким, как он, «особое отношение»...

– Господи, ёжик, – с рыком выдыхает Ян, хочет опять заключить в объятия, но я сопротивляюсь.

– Вот только не надо меня жалеть! – фыркаю я, хлопаю его по груди и яростно стираю слезы со своих щек. – Ты обещал уйти, когда я все расскажу. Исполни!

Отталкиваю его словами, хотя понимаю, что без Яна мне опять станет плохо и одиноко. Только с ним тепло.

– Мика, – зовет он нежно. – Позволь мне остаться, – смотрит не в глаза, а в самую душу. – Ты в безопасности со мной. Больше не одна, слышишь? – берет лицо в теплые ладони и целует в лоб. – Я не дам тебя в обиду, обещаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.